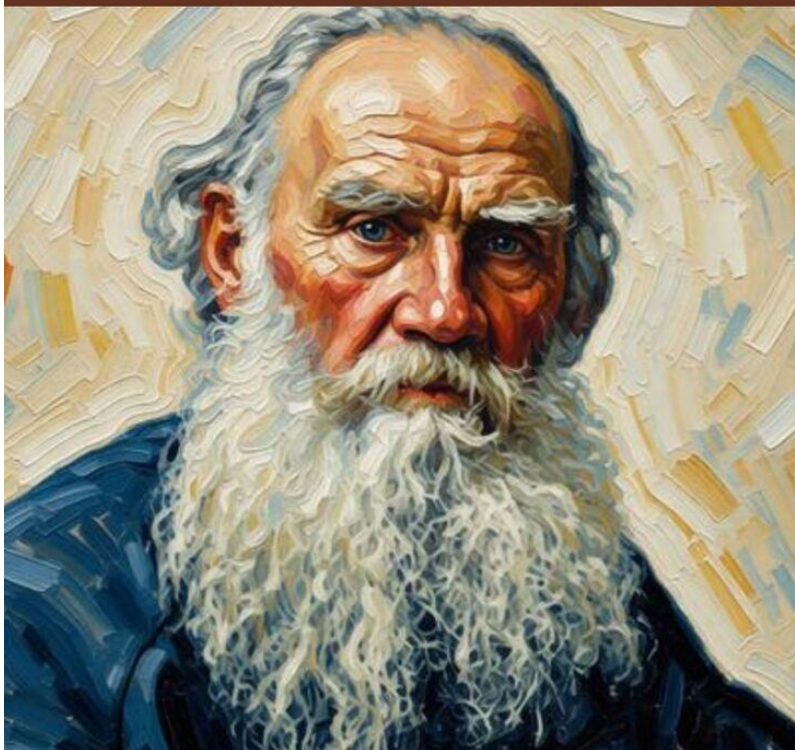

12+

Владислав Цылёв
Лев Толстой: Слова-открытия

Навстречу Любви

Владислав Цылёв Лев Толстой: Слова- открытия. Навстречу Любви

<https://litres.ru/74302124>

ISBN 9785007084451

Аннотация

Принято считать, что Лев Толстой — прежде всего великий моралист. Эта книга предлагает увидеть другого Толстого. Его слова рождаются не из нравоучения, а из пережитого опыта. Правда, Радость, Совесть, Тоска, Ничто, Пробуждение, Умиление, Исполнение — это уже не понятия, а открытия одного пути. Перед вами не словарь и не комментарий к Толстому, а путешествие по его внутреннему миру, которое неизбежно приводит к Любви.

Содержание

Вместо предисловия	5
Слова-открытия	9
Правда	9
Радость	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Лев Толстой: Слова-открытия Навстречу Любви

Владислав Цылёв

Иллюстратор Владислав Цылёв

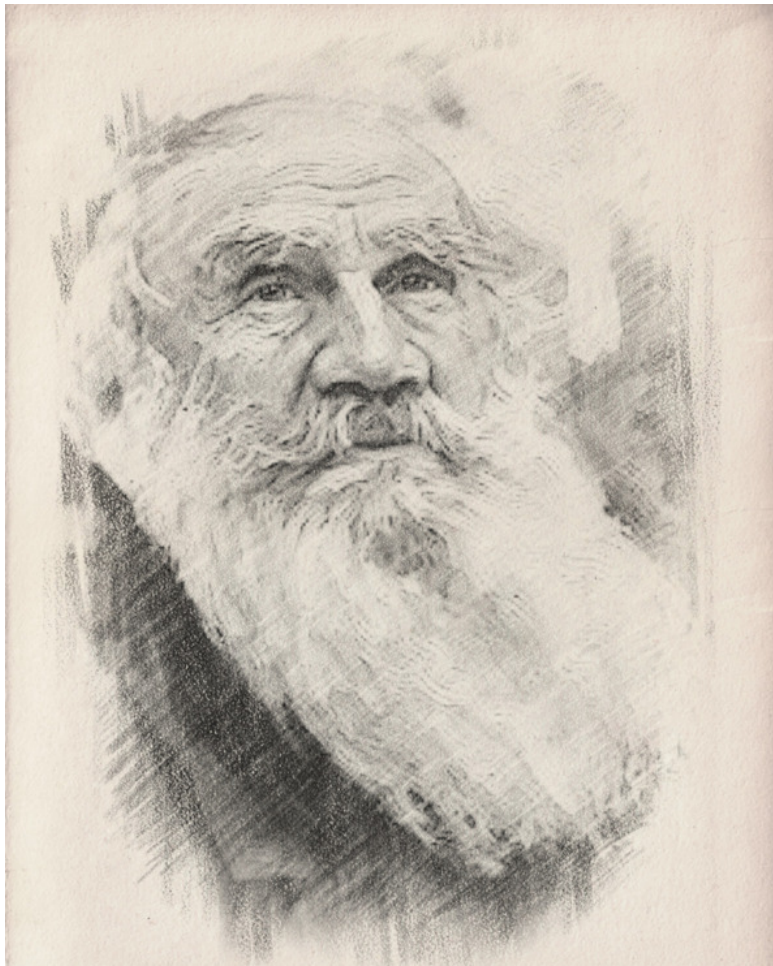
© Владислав Цылёв, 2026

© Владислав Цылёв, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-8445-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

За Львом Толстым давно закрепились репутация великого моралиста.

Наверное, поэтому многие начинают читать его уже с готовым ожиданием. Кажется, что сейчас снова пойдёт речь о том, как надо жить, что хорошо и что плохо, что правильно и что неправильно.

Но всякий раз, перечитывая Толстого, я всё сильнее убеждался в другом.

Самое важное у него рождается не из нравоучения.

Оно рождается из пережитого.

Его слова становятся понятными только тогда, когда начинаешь видеть не мысль, а опыт, который за ними стоит.

Именно так появилась эта книга.

Сначала мне хотелось лишь пояснить несколько слов Льва Толстого, смысл которых, как мне казалось, почти невозможно передать современному читателю без пояснений. Это должны были быть короткие заметки — что-то вроде небольшого словаря.

Но очень скоро оказалось, что каждое такое слово невозможно понять само по себе.

Стоило начать говорить о *Правде*, как рядом возникала *Радость*.

За *Радостью* открывалась *Совесть*.

За *Совестью* приходила *Тоска*.

Потом — *Ничто*, *Пробуждение*, *Умиление*, *Исполнение*...

Каждое следующее слово словно продолжало предыдущее.

И тогда стало ясно: передо мной уже не словарь.

Передо мной — путь.

Я не искал этого пути заранее.

Я просто однажды заметил, что, перечитывая Толстого, начинаю слышать одни и те же слова совсем иначе, чем прежде. Они перестали быть привычными понятиями. Перестали быть красивыми мыслями. Они стали *открытиями*.

Постепенно я понял ещё одну важную вещь. Эти слова нельзя раскрыть по отдельности. Каждое из них освещает другое. И только вместе они начинают рассказывать историю внутреннего пути, который прошёл сам Толстой.

Поэтому эта книга не объясняет Толстого. Она лишь приглашает пройти рядом с ним несколько шагов.

Каждая статья начинается с вопроса, который когда-то возник и у меня самого. И если читатель узнает в нём собственное недоумение, значит, первая дверь уже начала открываться.

Возможно, кто-то увидит в этой книге слова Толстого иначе или выберет другие — и мне кажется, это будет самым естественным продолжением нашего разговора.

Эту книгу можно читать самостоятельно. Но, пожалуй, ещё интереснее — вместе с другой, «*О любви*»¹, из которой она выросла. Тогда эти понятия перестают быть просто сло-

¹ См. раздел «Редакционные сведения»

вами. Они оживают в судьбах героев Толстого, в его дневниках и письмах, а постепенно — и в вашей собственной жизни. И сама книга «*О любви*» откроется по-новому: как путь, который незаметно проходит через эти, казалось бы, простые слова.

Со временем я понял, что эта книга открывает не только слова Толстого. Через них неожиданно открывается и он сам. Не Толстой-моралист, не Толстой-философ и не Толстой, которого мы давно привыкли считать понятным и объяснённым. А Толстой-художник, всё ещё способный удивлять, задавать вопросы и оставаться тайной.

Мне всё чаще кажется, что *слова-открытия* — это не просто ключи к его творчеству. Это двери, ведущие к тому Толстому, которого мы ещё не успели узнать до конца.

Если однажды эти слова начнут открываться и вам, возможно, вместе с ними по-новому откроется и сам Толстой. И тогда эта небольшая книга появилась не напрасно.

В. Ц.

Слова-открытия

Правда

Есть слова, которые можно перевести без особых затруднений. А есть слова, которые приходится не один раз прожить.

Для меня первым таким словом у Толстого стала *правда*.

Слово простое, почти бытовое, но многослойное, как сама жизнь. И чем дальше я шел за Толстым, тем яснее ощущал: его правда — не избитая повседневная формула или философская истина. Его правда всегда проживается человеком. Она либо приближает к любви, либо оборачивается своей противоположностью.

В начале его собственного пути правда предстает в устрашающем, почти безжалостном виде. После смерти брата Николая он записывает в дневнике:

Правду он говаривал, что хуже смерти ничего нет...

И почти сразу продолжает:

...коли от того, что был Николай Николаевич Толстой, для него ничего не осталось?.. А уж коли он не нашел ничего, за что ухватиться, что же я найду? Еще меньше...

Это правда как приговор. Безупречно честный, но оставляющий после себя лишь пустоту.

Особенно ясно я увидел это в предсмертных мыслях Анны Карениной:

Все неправда, все ложь, все обман, все зло...

Эта короткая, но отвесная лестница падения души всегда поражала меня своей внутренней точностью.

Сначала — *неправда*. Не ложь, не обман — именно неправда. Затем рождается ложь. Из лжи неизбежно вырастает обман. И только последним словом становится зло. Каждое следующее звено цепляется за предыдущее: человек перестает видеть правду, начинает жить во лжи, обманывает других и себя, и лишь тогда в его мир приходит зло.

В этой последовательности — целая философия Толстого.

Но здесь скрыт и главный вопрос: Анна Каренина уже увидела ложный мир. Она почувствовала, что всё вокруг стало неправдой. Это почти прозрение. И всё же оно не спасло её. Почему? Потому что она увидела только то, *где любви нет*, но ещё не увидела, *где она есть*.

Эту вторую половину пути проходит князь Андрей. Он тоже видит обман и пустоту мира, но его взгляд устремлен вверх, к «бесконечному небу». Простив Наташу Ростову, он совершает главное открытие: прощение рождает любовь, а любовь побеждает страх смерти. Его правда — это не приговор, а освобождение.

Да! все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме его. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу!..

И тогда начинаешь понимать: у Толстого существуют как будто две правды.

Одна — правда ума, который судит мир. Она холодна, точна и почти всегда разрушительна. Другая — правда сердца, которое любит мир. Она перестает быть просто «правдой». Она становится самой жизнью.

Именно поэтому в позднем творчестве Толстого слово «правда» уступает место другим: любовь, добро, благо, Бог. Они не требуют доказательств, им не нужна правота.

Любовь просто есть.

В начале моего знакомства с творчеством Толстого мне казалось, что именно правда — главное слово его мира. Теперь я думаю иначе. Правда оказалась лишь дверью. А за этой дверью открылось не царство суровой морали и отвлеченной истины.

Открылся мир любви.

Радость

Читая «весеннего» Толстого меня поразила одна странность. Он постоянно возвращается к простым, почти детским словам:

Мне так хорошо... так хорошо...

Сначала кажется, что это лишь отражение счастливого настроения: молодости, весны, влюблённости, красоты мира. Но постепенно замечаешь: Толстой почти никогда не объясняет, *почему* ему хорошо. Это состояние не связано с победой, исполнением желаний или облегчением жизни. Эта радость приходит словно сама собой.

Именно эта беспричинность однажды заставила меня остановиться. И я понял: у Толстого радость — не награда. Она вообще не принадлежит привычной человеческой психологии. Она похожа на внезапный луч света, который на мгновение освещает настоящий дом.

Не случайно после суровых дорог Кавказа и кровопролитных сражений Крымской войны новые страницы жизни молодого офицера графа Толстого наполнены этим ощущением. Он словно вновь становится ребенком — не по возрасту, а по способности изумляться самому факту существования. Здесь невольно вспоминаются строки из Книги Бытия²:

² Хотя образ райского сада помогает почувствовать интонацию этих страниц,

И увидел Бог, что это хорошо.

Это ещё не богословие Толстого, но, скорее, язык, который точнее всего передает переживание: мир вдруг оказывается хорошим сам по себе. Не потому, что он удобен или справедлив, а потому, что человек на мгновение обрел согласие с самой жизнью.

Но именно здесь начинается самое неожиданное. Толстой почти сразу спрашивает: «За что мне такая радость?» Не «как её удержать?» и не «как повторить?», а именно: «За что?». Словно он чувствует, что получил нечто незаслуженное.

И тогда понимаешь: «весенняя» радость — это не цель пути. Это только дар. Только семя. Первое воспоминание о доме, которого человек еще не знает, но уже начинает искать.

Потом придут тоска, совесть, отчаяние, страх смерти. Кажется невероятным, что всё это вырастет из той первой счастливой весны. Но у Толстого происходит именно так. Радость не исчезает — она становится глубже. Постепенно она перестает зависеть от внешних обстоятельств: весны, любви или красоты природы. Она начинает жить изнутри.

И тогда рядом с ней появляются другие слова Толстого:

Толстой понимал Бога не столько как Творца мира в традиционном богословском смысле, сколько как живое духовное начало — любовь, присутствующую в каждом человеке и соединяющую всех в единой жизни. Поэтому возвращение к «первой радости» у него означает прежде всего пробуждение этого внутреннего источника, а не возвращение к утраченному месту.

«благо», «красота», «умиление», а позже — «исполнение». Все они оказываются продолжением той самой первой, беспричинной радости. Их источник один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.